

Интервью с академиком Г.Осиповым

Осипов: Внимательно ознакомившись со статьей, я пришел к выводу о необходимости ее публикации как определенной точки зрения, как определенного материала, который подобрал немецкий ученый. В соответствии со своими подходами он попытался представить процесс реабилитации социологии в нашей стране.

И хотя это взгляд **извне**, я приветствую публикацию подобных материалов. Впервые опубликовал книгу и статьи о возрождении социологии в СССР известный американский социолог и политолог Джордж Фишер. Такого рода работы в силу понятных причин содержат неточности, не всегда адекватное понимание процессов и ситуаций, но любая попытка анализа заслуживает одобрения.

Прежде чем анализировать конкретную статью, я попробую сказать несколько общих слов о нашей социологии и основных этапах ее развития.

Суть заключается в том, что до 1917 года наша социологическая школа была одной из сильнейших в мире. Достаточно вспомнить имя Питирима Сорокина, который, опубликовав в 20-е годы уже в Советской России свою «Систему социологии», практически первым в мире дал изложение основ социологического знания. Дальнейшая судьба его известна (приговор, высылка из России). В конце концов получилось так, что первая кафедра социологии в Америке была основана и возглавлена именно им.

Кроме того (и этот факт часто забывается), уже после 1917 года он был рекомендован директором института социобиологических исследований (кажется, так он назывался). Т.е. до революции наша социологическая школа была весьма сильная.

После революции процесс шел в основном по 2 направлениям (абстрагируясь от частных случаев). С одной стороны, традиционная социология занималась исследованием объективных процессов, становлением социологии как самостоятельной науки об обществе. С другой стороны, была предпринята попытка объединить социологию с истматом. Судьба социально-философского знания сложилась трагически, ибо его объявили частью философского знания, обозначили ее как исторический материализм, объединили с диалектическим материализмом - и по существу наука об обществе перестала существовать. В ряде работ того времени утверждалось, что никакой социологии быть не может, что есть только философия диалектического материализма, которая и включает в себя науку об обществе. Но разве можно говорить об обществе с самых общих позиций, не исследуя его - ведь тогда получается чисто умозрительная концепция. Тем не менее она получила определенное развитие и нашла дальнейшее закрепление; Бухарин объединил социологию с истматом, затем Сталин, следуя марксистско-ленинской традиции, включил истмат в систему философского знания - социология в 30-е гг. была полностью упразднена.

Случались, правда, тогда еще дискуссии о самой возможности ее существования как самостоятельной науки, но в итоге она была объявлена буржуазной лженаукой. Сложилась парадоксальная ситуация: истмат как конкретная наука при всех недостатках его структуры был включен в систему философского знания - абсурд! Однако что сделаешь - так произошло.

Наши общественно-политические науки по существу дела носили характер социально-мифологических, они постулировали определенные положения, не объясняя их, абстрагируясь от действительности, будь то экономика или наука об обществе, в то время как на Западе социология действительно становилась наукой под значительным влиянием именно русской школы. У нас не проводились эмпирические и теоретические исследования, а на Западе все это было и использовалось, и потому они имели

огромные и политические, и материальные, и экономические преимущества,- именно потому, что могли использовать систему социологического знания.

Что же произошло у нас, почему социология оказалась не нужна, под запретом, почему к ней так негативно относились?

Во-первых, вся политика под руководством компартии строилась на основе умозрительных положений, мифов. Ничем не доказанный, миф тем не менее провозглашался как великое научное открытие (например, миф о возможности победы социализма в одной стране). Реальной действительности эти мифы противоречили. Если бы социологу было позволено исследовать реальную жизнь и сопоставлять ее с мифами, то сразу стало бы очевидным, что проводившаяся политика не имела никакой научной основы.

Во-вторых, все решения принимались без учета их возможных последствий, что, кстати, делается и сейчас. Наука по-прежнему никем не учитывается, поэтому происходит величайший и жесточайший эксперимент над народом.

Ильин: А в чем, на ваш взгляд, причина увлеченности мифологией?

Осипов: Чтобы стать социологом, я прочитал по крайней мере тысячу книг, а можно ведь просто, никаких книг не читая и никакого образования не получая, придумать миф: «Кадры решают все» или «Административно-командная система должна быть уничтожена» - ведь это тоже только миф, лозунг, понятный народу.

Попробуйте разъяснить народу, что такое факторный анализ, будет ему это понятно? - нет! Люди, которые сейчас приходят к власти, не имеют достаточного образования, чтобы строить политику не на основе лозунгов, а на основе науки. Чтобы сделать научное открытие - надо потратить десятки лет. Чтобы выдвинуть лозунг - 5 минут, и его можно провозгласить через все средства массовой информации, объявить законом, он начнет работать.

У нас сейчас на основе очередных мифов происходит эксперимент над народом, а в Англии, например, запрещены эксперименты даже над кошками и собаками.

Принимается у нас, скажем, экономическое решение, и тому,

кто его принимает, социолог - злейший враг, поскольку он может спрогнозировать, насколько в результате реализации этого решения возрастет, например, преступность, число самоубийств, обнищание и т.п. - то есть социолог соотносит **экономическое решение с социальными последствиями**, следовательно, человек, это решение принимающий, тоже должен это учитывать - но посмотрите, разве это делается?!

Политические лидеры у нас новые, а действуют они старыми сталинскими способами, снова выдвигаются лозунги, например: «Подъем цен до западного уровня решает все». Сталинизм проник везде, где только можно, но главное - в мозг. Сплошная коллективизация и сплошная приватизация - скажите, чем они отличаются? Это же снова авторитаризм. Если сейчас нашему руководству продемонстрировать вероятные последствия сплошной приватизации, оно должно будет брать на себя моральную ответственность - поэтому оно поступает просто: не хочет, чтобы ему об этом говорили. Разобраться в этом реально оно не может, системно мыслить наши руководители не привыкли, только односторонне - ведь сама система образования к этому толкала. Вот мы и имеем то положение в стране, хуже которого еще не бывало. В результате чего - объективных процессов? - нет! В результате необдуманных действий!

Сейчас кругом все только и говорят о предпринимательской деятельности, пятилетние мальчишки мечтают стать предпринимателями. А как же производительный труд? Не было еще в истории человечества такого отчуждения от производительного труда, как сейчас у нас.

Вернемся, однако, к нашему предмету. Итак, социология была не нужна. И потому она выступала для того же Сталина и его окружения как злейший враг, что любое умозрительное положение могло быть поставлено под сомнение. Только в период хрущевской оттепели социология как наука стала возвращаться к жизни, но этот процесс был очень сложным - ее хотели превратить в служанку политической власти. Постановка вопроса была такая: «Исследуйте, пожалуйста, и оправдывайте с позиций своих исследований то, что происходит в стране». То есть социология как таковая все равно не была признана.

Была попытка соединить социологию с научным коммунизмом.

Сейчас над этим будет смеяться любой мало-мальски грамотный человек, но тогда группы ученых выступали со статьями, в которых аргументировался этот тезис. Или еще предлагался такой постулат: «Социология есть философия». Но разве может философия заниматься, к примеру, самоубийствами? Итак, в 60-ые годы были признаны социологические исследования, но не социология как наука. Период хрущевский тем и знаменит, что хотя бы это удалось сделать. В брежневские времена процесс продолжал развиваться, многие ученые стали выступать за создание института социологических исследований, но когда его создали, он превратился не в форму развития социологии в стране, а в форму ее подавления. Преследовалась любая свежая мысль, социологии диктовали, какой она должна быть с точки зрения власть предержащих.

Ильин: *Были этот источник подавления только внешним, или в самом сообществе социологов тоже были какие-то силы, заинтересованные в подчинении социологии политике?*

Осипов: Я считаю, что источник подавления социологии был только внешний. Была создана социологическая ассоциация, мы старались защитить социологию как самостоятельную науку. Но мы очень немного могли сделать, так как стоило только произнести, что социология - наука, отдельная от философии, - как нас сразу же объявляли врагами марксизма и принимали соответствующие меры. Мы пытались возродить традиции российской социологии, стали проводить исследования, дающие критический анализ ситуации. И тогда была использована власть. Сделано это было по инициативе Гришина, Федосеева, Трапезникова. Был учинен настоящий разгром социологии в рамках института. Началось все с критики лекций Левады, где он попытался дать обоснование социального процесса вне рамок истмата, затем такой же разгромной критике подверглась хорошая книга «Социология и математика». А потом многих социологов просто разогнали. В 60-70 годы у нас успела сложиться очень сильная социологическая школа - она-то и была разгромлена. К руководству социологией были допущены философы, до того выступавшие вообще против социологии как науки. И такие

бывали парадоксы! Были попытки даже организовать уголовные процессы против социологов. Меня, в частности, обвиняли в хоздоговорной деятельности, в целом же линия была примерно такая: «Осипов, наверное, в хозяйственных преступлениях и не замешан, но чтобы другим неповадно было, не дать ли ему годика три условно?» Эти документы мы сейчас в центральном архиве обнаружили, целый том доносов на социологов. Мы собираемся их опубликовать. Уже подготовлено около 20 п.л. этих документов - подлость должна быть наказуема. Меня отлучили от социологии, по существу дела освободили от всех должностей, закрыли выезд за границу. Похожие действия применялись и к ленинградской школе: ее отделили тоже для того, чтобы угробить, из института просто выгнали ряд людей (вынуждены были уйти Шубкин, Грушин). В результате всех этих действий образовался как бы социологический вакуум. Телюди, которые воссоздали социологию в 60 - начале 70-х гг., были вынуждены, подвергшись в той или иной форме репрессиям, прекратить свою работу. Обстановка, сложившаяся в обществе, тоже не способствовала тому, чтобы люди шли в социологию. Был, правда, создан факультет прикладной социологии - но это только попытка принизить социологическое знание - ведь не может быть физики без теоретической физики - это абсурд, так же не может быть прикладной социологии без социологии теоретической.

Лет через 15, когда создались возможности для развития социологического знания, сама социологическая наука была уже, с одной стороны, без кадров, а с другой стороны, усилиями Федосеева и других она по существу стала отождествляться с опросами общественного мнения. То есть сейчас у нас уровень социологического знания ниже того уровня, который был в 60-70 гг. У нас по существу дела даже нет серьезных учебных пособий, мы с трудом выпустили несколько книг. Но суть трагедии социологии заключается в том, что ее отождествили с изучением общественного мнения, а его результаты используются как средство манипуляции человеком - это самое страшное.

Вот, например, Вы получили бюллетень для голосования или участвуете в социологическом исследовании по поводу того, нужен ли мэр в Ленинграде - с одним вопросом: «Считаете ли Вы, что в городе должен быть мэр?». Это некорректная постановка вопроса,

это неправильно с социологической точки зрения, это манипуляция общественным мнением. Спросите любого, он скажет: «Конечно, да», потому что это что-то новое. Но когда вы объясните, что для мэра должна быть создана мэрия, удвоен бюрократический аппарат, - вы через одну минуту измените свое мнение. Нельзя решать подобные вопросы, не давая человеку альтернативы. Это все равно, что Вас поселяют на изолированный остров и приводят одну-единственную девушку и предлагают - хотите, чтобы она стала вашей женой? Конечно, вы согласитесь. Но если перед вами поставят тридцать девушек - вы будете иметь выбор и наверняка даже эту женщину не выберете.

Или, скажем, голосование по вопросу о суверенитете Украины. Оно тоже фальсифицировано. Представьте, Вам задают один вопрос: «Считаете ли Вы, что Украина должна быть суверенной республикой?» Кто же скажет, что он против суверенитета - ведь это равносильно тому, если бы я Вас спросил: «Хотите ли Вы быть самостоятельным в Вашей семье или быть под пятой Вашей жены?» Ответ очевиден, но он не означает, что после этого Вы немедленно пишете заявление в ЗАГС о разводе. Я могу с уверенностью сказать, что около 70% населения Украины есть, было и остается за единый и неразрывный союз с Россией. Налицо совершенно явное манипулирование результатами опроса общественного мнения.

Подведем печальный итог: судьба социологии в нашей стране по-прежнему трагична. Опросы общественного мнения используются как средство манипуляции общественным сознанием, как игра на политической безграмотности нашего населения; средства на развитие фундаментального социологического знания не выделяются; нет средств и на проведение реальных социологических исследований, которые могут давать реальный результат.

Ильин: *Не кажется ли Вам, что еще одна из причин трагедии - это то, что социология наша сейчас раздроблена как никогда, наблюдается порой отсутствие координации даже в пределах одного города*

Осипов: Конечно же, амбициями, с другой стороны -

коммерциализацией - то есть каждый старается урвать какой-то кусок для проведения исследования, а также амбициями политических лидеров, которые пытаются иметь при себе ручных социологов, которые будут проводить необходимые им исследования. Ведь вот же появлялись статьи о том, что социологи готовы дать ту информацию, которую нужно заказчику, в зависимости от того, сколько он ему заплатит. Это заявляет руководитель одного из центров изучения общественного мнения.

Ильин: *Как, на ваш взгляд, сейчас социологи сильно ангажированы политикой? Насколько политическая деятельность совместима со статусом ученого?*

Осипов: Да, некоторые социологи действительно сильно ангажированы. С самого начала перестройки обсуждался вопрос: как идти? Часть социологов заявляла: надо все разрушить, а после подумать, что строить. Мы же говорили: не надо разрушать, а уж если разрушаешь - надо тут же и созидать, использовать все, что можно для этого, в противном случае мы так дестабилизируем ситуацию, что по существу дела народ окажется на пороге катастрофы - это я говорил еще в 1989 году - так и получилось, как предупреждали. Ненависть к застою, подавлявшему индивидуальность, вызывала крайние точки зрения, это можно понять.

Перестройка должна была зиждиться на 2 основах:

- в ее результате должны быть созданы условия для проявления индивидуальности каждого человека;

- нужно было изменить систему взаимоотношений между предприятиями, ввести систему договорного права.

А получилось так, что индивидуальность сейчас подавляется еще больше, чем раньше, а связи между предприятиями абсолютно разорваны

Ильин: *Какими причинами было обосновано создание. Вашего института, была ли здесь логика строго научная или здесь вмешивались вненаучные факторы, что он представляет из себя сейчас, в чем его отличие от ИСАН?*

Осипов: Моя судьба сложилась таким образом, что практически я создал 2 института: институт социологии я создавал на базе моего отдела, который выделился из института философии. Но этот институт был все время под патронажем ЦК партии и в результате не мог работать; мы сумели привлечь достаточно сильные кадры и сделать институт одним из сильнейших в системе гуманитарных институтов АН СССР - а его разогнали, устроили погром. Что касается теперешней ситуации, можно отметить, что размежевание произошло по определенным мотивам. Ядовский институт выдвинул программу дестабилизации общества, наша часть выдвинула программу перестройки общества на основе стабилизации, на основе преемственности и не за счет ухудшения жизненного уровня народа. Это были две прямо противоположные программы.

Ильин: То есть в основе этого разделения лежали все-таки политические факторы?

Осипов: Нет, это факторы теоретические, я считал и считаю, что нельзя было вести реформы так, как они проводятся. Понятно, что возврата к старому быть не может, потому что самое величайшее зло старого режима - это подавление личности, в результате этого мы очень сильно отстали.

Ильин: А сейчас в чем отличие с точки зрения направления деятельности, объектов исследований?

Осипов: В настоящий момент мы немножечко сблизились, там тоже изменения произошли, понимание пришло, что нельзя строить на разрушении, но наш институт - объективный, независимый, это академический институт, у него полностью социологическая структура. Мы строим работу таким образом: анализируем социально-политическую ситуацию и по ее итогам представляем информацию. С 1989 года у нас все время идут документы по ситуации, последний документ, который мы подготовили - о ситуации в 1992 г., это большой документ, но думаю, что уже последний, теперь нам, видимо, запретят все. (Интервью было дано летом 1993 года.) Произошло такое

разрушение народного хозяйства, которое поставило страну на грань катастрофы, и слова о распаде Российской Федерации - это реальность; если все будет длиться так, как сейчас, то РФ перестанет существовать, и не только она - а Россия как таковая.

Ильин: *Насколько доступны Ваши разработки?*

Осипов: Мы приглашаем всех на свои «круглые столы», где обсуждаем и промежуточные документы.

Ильин: *Как Вы смотрите на перспективы развития марксизма?*

Осипов: Все эти понятия: марксизм, структурализм и т. п. - это определенные течения философской или социологической мысли, все они имели какие-то позитивные начала, но абсолютизация этого начала приводила к тому, что делала течение ненаучным. Такие понятия, как марксизм, ленинизм, можно рассматривать как исторические.

Интервью с А.Здравомысловым

Здравомыслов: Статья профессора Альберга достаточно профессиональна и грамотна, она дает достаточно объективную картину и оценку ситуации, но явно, что статья написана не ранее начала 1989 года и поэтому сам процесс реабилитации социологии рассмотрен не до конца. Событие, которое для автора является наиболее важным - Постановление ЦК КПСС (апрель 1988 г.) - и в самом деле было мощным стимулом развития социологических структур и системы образования.

Статья посвящена достаточно общим вопросам. Она написана в парадигме противостояния истмата и социологии. В какой-то мере эта парадигма раскрывает существо дела. Но мне она представляется недостаточно конкретной. Она переводит ситуацию в ранг высокой абстракции, что не позволяет учесть очень важных процессов дифференцирующего характера, происходящих как в стане исторического материализма, так и в стане самой

социологии. Поэтому я бы, например, обратил внимание на необходимость конкретизации этого общего тезиса о соотношении истмата и социологии.

Главным стимулом развития социологии в нашей стране - кстати, в статье Альберга этот стимул не отмечается, в ней приводятся другие факторы - это все-таки были решения XX съезда партии, 1956 год и все то, что связано с первым этапом демократизации советского общества. Период после XX съезда принес громадные изменения, и хотя потом был откат назад и попытка восстановить прежние отношения - но этот откат уже не мог быть реализован в полной мере, ибо за это время было сделано столь много в различных областях обществоведения, что изменения стали необратимы.

Выросло поколение шестидесятников, которое сейчас не в моде и не в почете. Его начинают поливать грязью и топтать, но факт остается фактом - шестидесятники выросли на почве иного понимания проблематики самой общественной жизни. Признание политических ошибок Сталина поставило под сомнение верность ортодоксального марксизма - и этот процесс уже был заложен в критике, в хрущевском докладе, опубликованном в нашей стране только через 30 лет. Думаю, что у многих произошло формирование критического отношения к политическим догмам, к идеологическим формулам и к общей теории. Это отношение, разумеется, в разной степени было принято и усвоено, но оно было! Это огромный идеологический сдвиг в массовом и общественном сознании.

Вспомним хотя бы Мераба Мамардашвили. Он представляет именно это поколение и именно эти политические процессы стимулировали его к философствованию в подлинном смысле слова, к восстановлению философии в ее правах, как свободной мысли высокого уровня абстракции. А был он заместителем главного редактора журнала «Вопросы философии» - по сути дела официального академического органа.

Эрик Юрьевич Соловьев - известный сейчас автор, работающий в философском ключе - тоже бывший член редколлегии «Вопросов философии», он занимался разработкой парадигмы так, чтобы она могла вписаться в общий идеологический контекст; тогда же речи не шло о сломе социализма, об отходе к капитализму - все это шло в рамках марксистской основной формулы, которая

интерпретировалась очень по-разному. Отсюда же вышел и Давыдов Юрий Николаевич со своими книгами по проблемам труда, по вопросам отношения интеллигенции и власти, и Пиамы Павловны Гайденко - она тоже из ин-та философии, и теперь она один из видных историков общественной мысли.

Однако определяющие позиции сохранялись за тем слоем академиков, которые пришли еще в тридцатые годы. Эти люди были приверженцами ортодоксальной версии марксизма и с большим скепсисом, а иногда и с неприятием относились ко всем новым явлениям мысли, которые, с их точки зрения, неизвестно куда приведут. Но они понимали, что волна «обновленного» марксизма пришла с неизбежностью. Связана она была с публикацией и изучением ранних работ Маркса.

Ильин: *Был ли этот интерес спровоцирован с Запада или к нему привели какие-то внутренние процессы?*

Здравомыслов: Доминирующими были внутренние причины: и изменение политического климата в стране, и обращение к истокам самой классики. На Западе марксистская традиция не прерывалась, она была только отторжена нашим официальным мышлением. Но и Лукач, и Корш заявили о себе в 20-е годы - и это была линия связи марксистов девятнадцатого века через этих марксистов к франкфуртской школе. Эти процессы были параллельными и они даже мало пересекались между собой, мы же жили за железным занавесом и не могли следить за общественной мыслью на Западе. Это мог хоть в какой-то мере сделать лишь тот, кто занимался критикой буржуазной социологии.

Социологи первого поколения от себя эту линию развития отторгли - они не хотели заниматься критикой того, чего они не очень хорошо знали. Их больше волновали внутренние проблемы, и здесь стала происходить в к.50-нач.60 гг. дифференциация региональных школ. Я принадлежу к ленинградской школе, она восстанавливает традиции дореволюционной социологии. Но кроме того сформировалась новосибирская школа, свердловская школа, получившая наибольшую поддержку со стороны официальных структур, ну и московская школа. В какой-то мере независимо друг от друга начали разрабатываться большие вопросы

социологического анализа действительности, основывавшегося на эмпирических данных.

Есть один важный момент, который наш автор, с сожалением, упускает: для социологов было очень важно не только то, что они становились поставщиками эмпирической информации; в общем-то - и это главное - социологическое мышление открывало другой способ восприятия мира, и это позволяло понять динамику общественной жизни при помощи разработанного самой социологией категориального аппарата. Интересы, потребности, ценности, формы сознания, социальные институты - и многое другое - эти понятия в истинном смысле практически не существовали, но в социологической литературе они давали возможность по-иному посмотреть на все, что происходит в обществе, а не просто собрать материал под заданную схему. С самого начала шла теоретическая работа, хотя, конечно, основная линия деятельности была связана с формированием умения собирать и обрабатывать эмпирический материал. Сбор этого материала шел по вопросам, которые имели и прикладное значение, и вместе с тем теоретико-идеологическое.

В этой связи я вспоминаю, как мы начинали исследование, приведшее к изданию книги «Человек и его работа». Мы с самых первых шагов сознательно определяли цель этого исследования вот каким образом: марксистская теория учит, что труд превратится в первую жизненную потребность. Можем ли мы сейчас зафиксировать то состояние отношения к труду, которое хоть в какой-то мере либо опровергает, либо подтверждает эту позицию? Является ли труд потребностью на самом деле или обузой, или средством заработка и т.д.? Причем мы, во-первых, сознательно выбрали самые массовые виды труда, то есть промышленность, во-вторых, мы взяли молодежь, которая как бы должна быть носителем этого нового отношения к труду. В самом замысле была уже определенная идеологическая конфронтация, мы поставили под вопрос одну из самых важных идей Маркса.

Мы (это была лаборатория соц. исследований ЛГУ, созданная в 1961 году) провели это исследование и опубликовали книгу. Она очень быстро получила резонанс на Западе и была переведена на несколько языков. Это была эпоха разрядки, взаимного поиска путей сближения. Альберг прав, что Соц. ассоциация сыграла в этом плане определенную роль. Мы выступили с серией публикаций

и внутри страны, и на международных конгрессах - тогда у нас установились очень тесные отношения с польскими прогрессивными социологами (они перевели книгу на русский язык) и с американскими социологами. Причем публикация наших работ за рубежом происходила не по нашей инициативе, а уж наши издательства и вовсе не торопились, русский вариант «Человека и его работы» не получил особой рекламы. Двойственность идеологического процесса сказалась на отношении к этой работе.

Ильин: *были ли прецеденты такого рода, чтобы крупные работы советских социологов публиковались на Западе до выхода этой книги?*

Здравомыслов: мне не известны прецеденты, (если не иметь в виду эмигрантов), чтобы работа монографического характера издавалась бы таким образом. В последующем наше издательство «Прогресс» стало кое-что публиковать на иностранных языках, но оно отбирало по очень жестким идеологическим и статусным критериям, и подобного рода работы там не публиковались. Очень хорошо, что нас опубликовали и в Америке, и в ГДР, самой догматически ориентированной стране. Конечно были мнения, что это немарксистская, позитивистская работа с влиянием буржуазной идеологии, но академику Константинову достаточно было публично заявить, что это работа марксистская - он сказал всего лишь эту одну фразу - чтобы снять напряженность полемики, которая иногда принимала даже мало приличные формы.

Ильин: *Примерно в то же время вышла книга Голдтропа «Affluent Worker». Ряд позиций, изложенных в этих работах, совпадает или перекрещивается, хотя эмпирический материал очень разный. Было ли это результатом взаимовлияния?*

Здравомыслов: Скорее это результат параллельных культурных процессов. Должен сказать, что мы плохо знали английскую социологическую школу и об этой работе Голдтропа мы узнали уже после публикации своей книги. По-видимому, сама проблематика мотивации трудовой деятельности весьма характерна для индустриальных обществ и структур, тем более переживающих определенные преобразования.

Когда же мы продолжили исследование этой проблематики и естественным образом подошли к главному вопросу социологии управления - к анализу отношений власти в промышленных структурах и вообще в обществе - тут-то мы встретили препятствия и в постановке вопросов, и в разработке этой тематики. Владимир Александрович Ядов тогда решил, что надо уходить в социальную психологию.

У меня была готова книжка «Пропаганда и ее восприятие» - она вышла тиражом всего 100 экземпляров, да и он был арестован. Книжка была написана на эмпирическом материале - сравнение пензенской аудитории в 11 профессиональных группах с ленинградской аудиторией: как воспринимают они средства массовой информации (1968 г.). Это была попытка проанализировать идеологический процесс с позиций структурно-функциональных связей. Я даже рискнул послать ее тогда Демичеву - секретарю ЦК, считая свою работу полезной. Но этот мой шаг был воспринят как попытка противопоставления руководства партии и ее аппарата.

Следующей работой была подготовка книжки «Методология и процедура социологических исследований» (1969), и там тоже был такой эпизод, который показал мне, что я «перебрал», превысил свои права: я опубликовал таблицу, полученную на базе эмпирического обследования бюджета времени аппарата партийных работников в Ленинграде (2 районных комитетов партии) - на мой взгляд, безобидную табличку - но она стала блокирующим моментом: книга не была переиздана, хотя пользовалась громадным спросом, она не получила ни одной рецензии. Конечно же, она была не ортодоксальна: все вопросы идеологического плана в ней ставились как бы со знаком вопроса: а так ли это, а может, это не соответствует реальности?

И хотя книжка была по методике и технике, но она была насыщена результатами исследований содержательного плана в разных областях социологии, что позволяло умному человеку ориентироваться в жизни гораздо более обстоятельно, чем просто руководствоваться идеологическими клише. Там была и идея о том, что одна из функций социологии - это критика действительности, что вызывало большие вопросы и возражения.

Ядов в это время продолжал работы по изучению детерминации личностного поведения, он прорабатывал проблематику ценностей. К нам как представителям ленинградской школы (само понятие условно, мы не получили институционального признания - ни кафедры, ни журнала), обращались обществоведы со всей страны за изучением опыта, читали мы лекции и через систему повышения квалификации. Борис Максимович Фирсов тогда присоединился к нам, в то время он еще руководил телевидением, потом он уже целиком перешел в социологию. Нельзя обойти и Анатолия Харчева: он занимался социологией семьи и создал целое направление.

Это был узкий круг, но мы были не отгорожены территориально и географически от других направлений. По сути дела сформировалось социологическое сообщество, не только как формальная организация, но и как человеческое сообщество, контакты были очень тесные, все знали, кто чем занимается, какие результаты получены и пр. Тогда же был создан институт изучения общественного мнения при «Комсомольской правде», где директором был Борис Грушин. Владимир Николаевич Шубкин из среды экономистов вступил на это поприще. Татьяна Ивановна Заславская пришла также из экономики: Новосибирск дал такой стимул для социологического мышления и для понимания некоторых проблем именно с точки зрения экономических параметров общественной жизни. Активную роль играла в этом сообществе Галина Михайловна Андреева как человек, который хорошо знал современную зарубежную социологию; Юрий Александрович Левада был в этом движении, он работал тогда в осиповском институте. Я одно время работал вместе с Левадой, в его отделе, хотя жил в Ленинграде. За это время я сделал книжку «Структурно-функциональный анализ»

Знание того, что делается в Америке и в Европе, было для нас очень важно. Мы не чувствовали себя оторванными. К нам приезжали многие ведущие социологи. Так, в 1961 г. нашу лабораторию посетил Роберт Мертон вместе с четырьмя своими коллегами. Задним числом можно оценить этот визит как попытку понять, что же происходит в науке в государстве, запустившем в космос человека.

Одной из общественных функций Т. Парсонса было исполнение обязанностей председателя комитета Американской соц. ассоциации по связям с Советской соц. ассоциацией; в этом своем качестве он приезжал в Москву и Ленинград несколько раз (в конце 60-х годов), мы с ним познакомились и переписка наша продолжалась до конца его жизни. После визитов они написали статьи, где показывали, что дело не так просто, что существует истмат и эмпирическая социология, что идет очень сложный процесс формирования нового отношения к идеологии, к марксизму, и социологи играют важную роль в этом процессе.

Иными словами, серьезные американские социологи понимали, что в реальной жизни советского общества происходят очень важные процессы, не укладывающиеся в формулы противопоставления тоталитаризма и демократии. Несомненно, что наука в целом и в особенности социология была важной точкой роста, которую они не хотели оставить без внимания.

В конце 60-х годов произошел переворот в политике и идеологии, который отразился на социологии (и в статье Альберга упоминается об известном Постановлении ЦК КПСС). В результате был создан Институт конк. соц. исследований. Им руководил сначала академик, специалист в области политической экономии Румянцев Алексей Матвеевич, а Г.Осипов и Ф.Бурлацкий были заместителями. Переворот 1968 года был связан с изменением политических ориентаций в связи с чехословацким кризисом. Наше руководство было страшно напугано всем этим и не могло не обратить внимания на тот факт, что среди представителей «социализма с человеческим лицом» была большая группа социологов, игравших в этом процессе очень активную роль. Идеологическая чистка началась с разбора лекций Левады (1969 год). Эти лекции, прочитанные в Московском университете, были опубликованы в виде ротапринтных книжечек, в них было явное отступление от марксизма, социология рассматривалась как самостоятельная наука, основное качество которой заключается в количественном подходе к общественным явлениям, в том, что она измеряет, ориентируясь на парадигмы структурно-функционального подхода. Левада очень обстоятельно использовал теорию социального действия.

Для руководства все это было признаком того, что пора

давать отбой, что слишком далеко зашли, «много эти социологи себе позволяют», предлагают другие системы взглядов. Леваду удалили из института и устранили от социологической деятельности. И вообще в институте произошла кадровая чистка, вместо «либерала» Румянцева к власти пришел М.Н.Руткевич. Потом была статья в «Коммунисте» по поводу социологии вообще, Леваду там уже не упомянули, хотя ранее давали ему возможность публиковаться на страницах этого официального издания.

Начался новый этап в развитии социологической деятельности, именно отсюда можно считать начало экстенсивного развития социологии в стране. Социология не должна была претендовать на общи позиции, на общество в целом, на идеологический процесс, а ей предоставлялось право заниматься какими-то чисто информационными материалами, поставкой результатов опросов для руководства. Этот термин - «прикладная социология» - надолго закрепился, и для его обеспечения существовала кафедра методики и техники соц. исследований в МГУ, которой руководил Дмитрий Федорович Козлов, человек очень симпатичный и широкий; но все руководители для социологов назначались из среды не социологической, а из философского корпуса. Социологи же постепенно вытеснялись, несколько человек уехало за рубеж (Н.Новиков, В.Шляпентох, Э.Беляев).

Парадигма «истмат - это социология» при всей своей общей правильности не охватывает конкретного материала, не дает анализа того, что происходило в разных группах. Между тем исследования завершались в общем-то публикациями и весьма основательными. Написанные тогда работы Шубкина, Грушина интересны и для социологов нашего времени, безусловно.

Хочется обратить внимание на такую позицию, высказанную в статье: *«Концентрация социологии на изучении классовой и социальной структуры не принесла сколько-нибудь достоверных сведений о социальных слоях советского общества и конфликтах их интересов»*. Я как-то запнулся об этот тезис и подумал, что, с одной стороны, это и так, а с другой - не так. Все зависит от того, какую совокупность работ мы будем принимать во внимание. Были работы, главной целью которых было подчеркивание, что в социальных структурах происходят постоянно процессы сближения, что преодолеваются социальные различия, что общество становится

однородным. Но ведь была и другая линия: и наши работы, о которых я упоминал, и весь пафос исследовательской деятельности Т.И.Заславской и О.И.Шкаратана связан с анализом социальной стратификации. Вопросы структуры сейчас нельзя понимать в прежнем смысле: выводить из социального положения - интересы и из интересов - сознание. Это классическая парадигма социологии 19 века. Сейчас идея многомерности социального пространства обеспечивает иной взгляд на саму проблематику социальной структуры. Мне кажется, что это социологами не очень хорошо усвоено, мы идем от объективистского структурного подхода, игнорируя то, что наработано в 20 веке.

Что касается периода перестройки, то в статье только слегка намечен некоторый анализ. Действительно, происходит окончательное размежевание с историческим материализмом, но в основном это размежевание социологии и социальной философии. Между прочим, если возьмем западную социологию сейчас, то увидим обратный процесс: социология все больше и больше движется в сторону социальной философии. Гидденс: он кто - социолог или социальный философ? Социологи не могут удовлетвориться своими границами, все время их переходят, и я не думаю, что это страшная и непозволительная вещь. Социология была и остается центральной общественной наукой. Она не претендует на идеологическую монополию, но связывая воедино знания об обществе, находится на стыке социальных и гуманитарных наук. Вопрос об истмате и социологии - это, таким образом, часть более широкого вопроса о соотношении сциентистского и гуманитарного содержания в современном социальном знании. Тем более что трудно очень отождествлять истмат с той его версией, которая была сформулирована Сталиным.

Ильин: *Ваши соображения о процессе дифференциации в сообществе современных социологов? Мне кажется, что здесь идет не просто процесс расхождения социологов по разным углам, но утрата системы коммуникации между ними, меня поражает отсутствие контактов. Чем это объяснить?*

Здравомыслов: Два момента влияют на эту дифференциацию. Первое - коммерциализация социологической

деятельности. Для нас это практически новое явление. Как найти себя будущему социологу в системе рыночных отношений у - это пока непонятно. Мне известен только один пример этого: как Вячеслав Сергеевич Дудченко организовал самостоятельную фирму и работает на чисто договорных началах, по заказам. И он сам удовлетворен этой деятельностью. Но многие социологи, работающие на кафедрах общественных наук, не очень-то готовы к поиску заказчиков, особенно когда и сам потенциальный заказчик переживает финансовые трудности и не готов к тому, чтобы искать выходы из этих трудностей с помощью социологического знания. Денежная оценка очень важна и никто не собирается делиться своими источниками и информацией о них, особенно в тех случаях, когда речь идет о совместных международных коллективах. И это реальный элемент отчуждения внутри социологического сообщества.

Второй дифференцирующий процесс - это уже политический. Существует разное понимание самих перспектив общества, кризиса, оценка этого кризиса и разное отношение к программам выхода из него и соответственно разное отношение к власти - к разным ее структурам. В.С.Черномырдин время от времени предлагает, чтобы в состав правительства вошли компетентные профессионалы, но про социологов не упоминает. Сейчас самый близкий человек к нынешним структурам власти - О.И.Шкаратан. Должен сказать, что у разных правительственных структур всегда было сложное отношение к социологии. Н.Рыжков принял группу социологов незадолго до своей отставки как последний ресурс - были все наиболее известные московские социологи, но потом ничего из этого не получилось.

Ильин: *Вы считаете, что различие полит, взглядов социологов сказалось на их работе как специалистов, на их способности вести диалог в своей среде.*

Здравомыслов: Да, произошел раскол по полит, ориентациям, который зафиксирован: между руководителями двух социологических институтов подход к оценке многих политических явлений прямо противоположный. Ярко проявилось это при подготовке доклада Осипова на Президиуме Академии наук и

потом Совете Министров (весна 1992 г.) по оценке ситуации. Ядов, Заславская, Грушин не поддержали его позиции, и Ядов выступил с резкой статьей против этого анализа, не обошлось дело без политических оценок.

Кстати, этот раскол в социологии по времени совпадает с первым кризисом в верхах - конфликтом между правительством и ВС РФ, который впервые обнаружился во время работы VI съезда народных депутатов РФ. Иными словами, от влияния политики социологии уйти не удастся, хотя такое стремление есть.

Причин раскола института надва - много, там очень сложная система отношений, которая включает в себя весь предыдущий опыт. Ведь если прибегать к формулировкам Альберга и согласиться, что Осипов - «Нестор нашей социологии», то Ядова надо признать по меньшей мере Орфеем или что-то в этом духе. Я не знаю, какие еще мифологические имена можно придумать, но дело не в них. У каждого из этих руководителей личный опыт разный, манера общения и манера работы в коллективе.

Я не хочу вдаваться в подробности, но факт тот, что в целом раскол непродуктивен в смысле профессионального роста социологии. Было бы лучше, если бы отрабатывалась какая-то общая точка зрения, которая аккумулировала бы действительный потенциал научного метода и научного знания. Многие вещи повторяются. Опросы проводят разные центры, и там больших расхождений нет, но для того, чтобы дать оценки, нужно добиться общности интерпретации материала и задавать сходные методологические и методические параметры.

Сейчас существует важная проблема - данные опросов оказываются несопоставимыми и разные политические силы используют те данные, которые для них наиболее выгодны. Необходимо добиваться от средств массовой информации не просто приведения каких-либо цифр, а обязательно указания на методику получения этих данных и на тот коллектив, который эти данные получил. Кухня получения цифры - а сама эта цифра есть уже продукт научно-идеологический - остается вне поля зрения. К сожалению, оперативность, которая хороша в абстрактном виде, приводит к очень сильной заангажированности социологических центров и групп, и возникает такое сомнение: а если вопрос чуть повернуть иначе, получим ли такой же ответ? Культура

социологического опроса заключается в том, чтобы как можно в большей мере снять задаваемую установку, содержащуюся уже в самой формулировке вопроса. А для этого нужно предположить, что респондент имеет другую точку зрения. Социологи-профессионалы знают, что при желании они могут представить любую картину общественного мнения - чуть-чуть изменить порядок вопросов и еще несколько хитростей, а потом еще дать некоторую свою интерпретацию. Все это ведет к потере престижа.

Удручает и то, что мы пока лишились возможности поддерживать связи с социологическими сообществами бывших наших республик. Здесь и политические мотивы сыграли роль, и экономические - дороговизна билетов и прочих расходов. Мы стараемся искать какие-то пути, чтобы связи эти все же не терялись. Российский фонд фундаментальных исследований - социологических в том числе - поддержал проведение международной конференции на тему «Институты власти и многообразие интересов». Сейчас готовится книга, которая, возможно, выйдет в начале 1994 г.

Ильин: *Насколько с вашей точки зрения сейчас сильно вовлечение социологов в политическую борьбу?*

Здравомыслов: Я должен сказать, что по сравнению с 1989 годом произошло некоторое остывание как в массе в целом, так и среди социологов. Заметьте такую вещь, что в составе Верховного Совета СССР было, по-моему, человек пять социологов. Должен сказать, что хотя они все профессионалы, но работая в Верховном Совете, по вопросам социологии они там никогда не общались, они как бы различали очень сильно свою роль социологов и свою позицию политиков. Не знаю, насколько это правильно и возможно ли вообще психологически, но тогда они были заангажированы. Директора крупных институтов вынуждены по положению если не прямо участвовать в политике, то выходить на какие-то политические структуры.

Очень быстро именно после Постановления ЦК 1988 года произошло включение социологической информации в политический контекст через средства массовой информации прежде всего, а не через образование и не через повышение

культуры депутатского корпуса, что было бы очень эффективно и полезно. Мы имеем целый ряд передач, который строится на социологических данных. Службу профессора Грушина мы имеем, которая регулярно появляется в программе «Вести», Киселев в своих «Итогах» постоянно обращается к политологическим и социологическим центрам, отслеживает ситуацию за неделю, опираясь на данные опросов. Думаю, что пока еще социологическое мышление и социологическое знание не стало предметом общей культуры и политической культуры. Даже очень толковые политики далеки в общем-то от современного социологического мышления и от того багажа, который можно было бы назвать «социологией политики». Сейчас политология развивается как самостоятельная область знания, но область социологии политики должна быть необходимой областью знания для каждого, кто входит в политический процесс. А если он им не обладает, то должен стремиться где-то их получить. Очень интересны в этом смысле некоторые программы исследовательские, которые носят общероссийский характер, программа Явлинского, например, в которую он включил некоторый социологический материал. Хотя надо отметить, что в сравнении с экономической частью его анализа социологический материал слабоват.

Ильин: *Как вы считаете, возможно ли сочетание статуса политика и социолога без ущерба содержания одного статусу другому.*

Здравомыслов: Я думаю, что это все-таки разные виды деятельности, каждый из них требует полной включенности в свое поле. Конечно, это вопрос личного выбора, но если говорить с точки зрения перспектив и личностного отношения к делу, то здесь однозначно: каждое дело требует человека целиком.

Ильин: *Что представляет из себя институт, в котором вы работаете, как он возник и в чем его специфика?*

Здравомыслов: Все зависит оттого, в каком контексте мы говорим о возникновении института. Он называется сейчас Российский Независимый Институт Социальных и Национальных

вы, пожалуйста, пишите, но материалов мы никаких вам не даем, все закрыто и засекречено.

Работая над историей чехословацкого кризиса, я пользовался в основном опубликованными материалами и зарубежными источниками, довольно обстоятельно изучил литературу по этому поводу и написал труд о чехословацком кризисе и его последствиях, который так и не был нигде опубликован, я его передал Яковлеву Александру Николаевичу, который возглавлял всю работу по написанию новой истории партии.

Интересный эпизод, связанный с моей работой в Институте марксизма-ленинизма, произошел в 1981 году - году, когда решалась судьба всей системы социализма в весьма своеобразной форме - речь шла о Польше, и это было время кризиса в этой стране. В нашем руководстве весьма активно формулировалась точка зрения, что необходимо повторить чехословацкий вариант. Военно-техническая часть к этому была подготовлена, но решение не принималось, Здесь я по собственной инициативе подал аналитическую записку по этому кризису, где обосновывал невозможность повтора. В аппарате существовала такая обстановка: когда ты подавал бумагу, ты не знал, куда она дошла, но в данном случае я был уверен в том, что она прошла на самые верхи (судя по обратной реакции): люди, которые никакого отношения к этому не имели, стали меня спрашивать и уточнять некоторые формулировки.

Это некоторые эпизоды, связанные с политической жизнью и моим социологическим багажом, потому что я все время работал, конечно, как социолог политики. Я интересовался процессами бюрократизации, власти и т.п. И хотя многое уже ушло в прошлое - но только как бы ушло, потому что всякая власть не может существовать без решения общих задач, связанных с функционированием ее институтов.

На последнем этапе я работал над темой на стыке социологии и истории, есть у меня по результатам этой работы текст «Сталинизм и тоталитаризм», я вообще довольно скептически отношусь к концепции тоталитарного общества, в том смысле, что она носит идеологический характер. Это концепция крайнего обобщения - в таких случаях аппарат этого обобщения превращается в идеологическую систему. Подлинный же научный анализ более расчленен, более взвешен, ученый должен исследовать проблему

исходя из понимания динамики сознания: и политического сознания наверху, и политического сознания масс. Я предложил расчленение нашей истории на ряд этапов, которые разделяются переломными точками, таких точек я вижу 7-8 в послереволюционной истории СССР, когда был выбор в ту или другую сторону. Я не согласен с идеей заданности исторического процесса. И 17 год был переломным, дважды за этот год происходил перелом, затем 21 год, 24 год, 29 год - год великого перелома во многих смыслах - разгром бухаринской оппозиции, последнего противостояния сталинскому полновластию, год коллективизации и год идеологического перелома. Традиция большевизма прекращала свое существование, и она прекратилась практически уже к 37 году. 1934 год - год XVII съезда, который еще содержал в себе определенную пропорцию большевистских кадров, а дальше уже большевиков не было. Большевизм умер в 30 годы, партия стала совсем другой. Другое было содержание в той же форме. Потом, конечно, Великая Отечественная война - настолько значительный этап в истории народа, который нельзя выбросить и сказать, что это все одно и то же, тот же тоталитаризм, несмотря на тот факт, что политическое руководство страной оставалось в руках Сталина.

Ильин: *Как вы считаете, насколько на мнении социологов 60-80 годов сказывалось раздвоение: с одной стороны, есть официальная роль, с другой стороны - личная позиция, убеждения. По публикации перестроечного периода создается впечатление, что большинство понимало уже все тогда, но работало вскол...*

Здравомыслов: О себе могу сказать, что то, что я хотел делать в социологии как специалист - я мог делать очень мало, в этом смысле мои замыслы не реализовались, просто в силу многих названных обстоятельств. Нужно было примеряться к обстоятельствам. Но один из конфликтов, который у меня был в этом плане, был связан с работой в редколлегии журнала «Социологические исследования». Была опубликована статья Староверова Владимира Ивановича по поводу социологии. Эта статья меня страшно возмутила, я потребовал созыва редколлегии по этому поводу, там произошел раскол мнений. Потом автор написал письмо в партком нашего института, и дело закончилось

проблем, он сформировался в своем таком качестве примерно год-полтора тому назад (интервью было взято летом 1993 года), в начале 1992 года, а вообще он существует с 20-х годов и до известных указов президента России это был Институт марксизма-ленинизма. Потом он был объектом имущественных споров между разными претендентами, в конце концов научная сторона одержала победу, и он стал независимым в том смысле, что он стал негосударственной и неакадемической структурой; он финансируется своими учредителями. Представители учредителей образуют Правление института, которое заключает контракт с генеральным директором института, при последнем есть дирекция, в состав которой входят руководители центров. Центры эти сформировались на базе научных интересов, которые были заявлены в период реконструкции института и приняты институтской комиссией по содержательной части. Был объявлен конкурс программ, кроме того произошло большое сокращение, в 4 раза был уменьшен состав сотрудников. Одним из источников жизни института является сдача части помещений в аренду коммерческим структурам. Директором сейчас работает Михаил Константинович Горшков, в прошлом он был заместителем директора института, молодой энергичный человек, он один из соавторов книги «Как провести социологическое исследование».

Ильин: *Из старого состава много сотрудников осталось?*

Здравомыслов: Давайте здесь поставим вопрос более точно. Вас ведь интересует, видимо, какие функции выполнял Институт марксизма-ленинизма и в какой мере он притязает на выполнение тех же функций в настоящее время и какое отношение он имеет сейчас к идеологии?

В прежней идеологической системе институт марксизма-ленинизма играл достаточно весомую роль в качестве «экспертного» учреждения, которое должно было давать научное заключение по поводу соответствия или несоответствия каких-либо положений в печати, в литературе официальной версии марксизма-ленинизма. Эта функция использовалась, когда отделы ЦК не хотели брать на себя ответственность за какой-то скользкий вопрос и должны были провести этот вопрос через научное подтверждение, такую якобы

научную апробацию. Далее, конечно, самое любопытное здесь было то, что исследовательская работа там вообще была не очень популярна, большое значение имела подготовка «трудов» для обществоведов, в которых как бы определялся идеологический стандарт. К таким изданиям могут относиться книги по истории КПСС, по истории Великой Отечественной войны. Иногда возникали коллизии по некоторым сюжетам, но когда возникли разные оценки со стороны сотрудников института и работников ЦК КПСС, тогда уже подготовленный том рассыпался. Самым крупным отделом был отдел истории КПСС, существовал сектор произведений Маркса и Энгельса и сектор произведений Ленина. Первый был очень квалифицированным научным подразделением, которое специализировалось на текстах. Результатом их деятельности было 50-томное собрание сочинений Маркса и Энгельса и международный проект - Собрание сочинений Маркса и Энгельса на языках оригинала - 100 томный проект («MEGA»). Он существует до сих пор, но уже не в рамках этого института.

Я в институте работал с 1974 года старшим научным сотрудником в секторе социально-политических проблем. После прихода в институт социологии М.Н.Руткевича у меня там работать уже не было возможности, возвращаться в Ленинград было бессмысленно, единственный шанс иметь работу был в этом институте. Потом была попытка создать отдел социологии партии - это уже ближе к концу перестройки. Мне как социологу тогда оставалось только констатировать факт наличия в партии в тот момент трех взаимоисключающих течений. За время перестройки я сотрудничал и с историками, у меня был такой эпизод, когда я работал над историей чехословацкого кризиса. Был задуман вариант новой истории партии, которая была бы правдивой и честной, на мою долю выпало описать 1968 год.

Всякая моя исследовательская деятельность в рамках этого института открывала передо мной новые моменты, связанные с самим функционированием аппарата, распределением системы власти. Казалось бы, если человеку поручают писать раздел по истории партии и просят писать откровенно и честно - то дают карт-бланш. Все архивы вроде открыты и можно вроде бы пользоваться всем. Но на самом деле ничего подобного. Получается все наоборот:

тем, что и меня, и его вывели из редколлегии, но потом его восстановили, а меня нет.

Я знаю многих людей, ставших ярким примером саморастаптывания, отказа от старых своих взглядов и убеждений. Эта смена позиций - не совокупность частных случаев, а очень важный социально-психологический процесс, который я пытался проанализировать в своем докладе по проблемам психоанализа, представленном на российско-французский симпозиум (Москва, 1992).

Знаю и других, совсем не изменивших своих идеологических позиций. Для меня двойственность состояла в том, что я не лицемерил, когда говорил о своей партийной принадлежности, но в то же время у меня было дистанцированное отношение к идеологическому процессу как к объекту исследования. Как социолог я мог анализировать динамику взглядов и т.д. Моя позиция была прекрасным плацдармом для такого рода наблюдений и накопления эмпирического материала.